

Сгущались сумерки. В уездной управе повсюду зажглись факелы, у ворот сменялся караул.

Цзян Умянь не страдал замашками бессовестных хозяев, выжимающих из подчинённых последние соки над grossбухами. Заметив, что уже стемнело, он без лишних слов распустил писцов ужинать.

С тех пор как управу прибрал к рукам Бай Чухань, распорядок дня здесь стал суровым: трёхразовое питание отпускалось строго по часам и в определённом количестве. Кто опоздал — тот опоздал, раздувать очаг ради одного человека никто бы не стал, так что незадачливому опоздавшему оставалось лишь лечь спать на пустой желудок, наглотавшись холодного ветра.

Вернувшись к себе со счётными книгами, Цзян Умянь разложил на столе чистые листы и принялся один за другим выписывать сомнительные моменты: бежавший за город патрульный отряд; уездная управа, которую мятежники почему-то почти не охраняли; содержащиеся порознь чиновники и служащие; подслушанный заговор; загадочная гибель уездного судьи и его помощника; наконец, расхищенное зерно, казна и оружие...

И, конечно же, местный регистратор — человек, на первый взгляд, робкий и пугливый, но проявивший удивительную смелость и выложивший всё как на духу.

Всеми этими сведениями его снабдили патрульные и сам У Шэн. Подобная картина грешила односторонностью, из-за чего легко было пойти по ложному следу.

Если отталкиваться от подобных допущений, то выводы, казавшиеся логичными и взвешенными, на деле оказывались плодом предвзятости. Кто-то искусно манипулировал им, заставляя плясать под чужую дудку.

Цзян Умянь положил кисть и уставился на исписанный лист, силясь понять, не упустил ли он какую-то важную деталь.

Клубок запутался слишком туго. Множество скрытых сил мутили воду; он видел расходящиеся по заводи круги, но никак не мог разглядеть, что за хищник затаился на глубине.

Пламя свечи дрогнуло. Чья-то рука бесцеремонно протянулась над его плечом к бумагам.

— У Шэн? Подозреваешь, что этот малый ведёт двойную игру?

Бай Чухань небрежно взял исписанный лист двумя пальцами.

— Он никогда не отличался храбростью, — лениво заметил главнокомандующий. — Серая мышь, в управе ничем не выделялся. Сюэ Вэнь уже допросил стражников. По их словам, наш почтенный регистратор У был послушной тенью покойного судьи. Поддакивал каждому слову,

преданно заглядывал в рот и никаких крамольных мыслей не выказывал. Те трое патрульных тоже уверяют, будто своей головы на плечах у него нет — всегда поступал так, как велел личный советник судьи. К тому же за ним не водилось привычки притеснять простой люд. Если у соседей случалась беда, он мог даже помочь малым серебром или добрым делом.

При упоминании патрульных взгляд Чуханя на мгновение скользнул по лицу Цзян Умяня, и на его губах заиграла короткая усмешка.

Цзян Умянь сохранял бесстрастное выражение лица. Он сухо пересказал поведение У Шэна в потайном ходу — тот человек ни капли не походил на безвольную марионетку, о которой толковал Бай Чухань.

— У кого достало духу тайком вести учёт хозяйских взяток и казнокрадства, у того найдётся смелость и для самостоятельных решений, — Умянь открыл грессбук, выискивая подозрительные нестыковки, и ткнул пальцем в исписанные столбцы, показывая их Чуханю. — Послушать его, так все думы лишь о зерне и налогах. Но о том, куда уплывали средства из оружейных складов, он обмолвился лишь вскользь. Тут явно кроется двойное дно. Если он и не примкнул к мятежникам напрямую, то совершенно точно как-то с ними связан.

Чухань опустил лист бумаги. Выведенные ровным почерком слова «Семьи Лю и Ши подозреваются в сбыте краденого» ещё не просохли и тускло поблескивали свежими чернилами.

Он склонился ниже, заглядывая в грессбук, и по-хозяйски положил руку на левое плечо Умяня.

Умянь попытался повести плечом, но, поняв, что навязчивые объятия так просто не стряхнуть, лишь мысленно махнул рукой. Не отвлекаясь, он принялся размышлять, чьей именно фигурой на доске был этот тихий регистратор.

И тут в его памяти всплыл один разговор.

Перед тем как отправиться в эти глухие края, он получил письмо от своего почтенного учителя Се Яньхана. Ответ пришёл поздней ночью, когда в комнате дрожал лишь слабый огонёк свечи.

Желтоватая бумага слегка размокла, иероглифы местами расплылись, но от них явственно пахло домашним сладким вином из османтуса, которое всегда варила супруга учителя. Старик, верно, опять прикладывался к кувшину прямо за столом; оставалось лишь подивиться, как в столь преклонные годы и во хмелю он умудрялся выводить безупречный уставной почерк.

Листы тогда лежали на столе в таком же беспорядке, как и сейчас, и строки из них словно проступили сквозь свежие записи:

«... С малых лет ты отличался тонким умом, но и войдя в пору совершеннолетия, сохранил чистую, непорочную душу. А вот твой старший соученик... Вчера он может обречь человека на верную гибель, а сегодня как ни в чём не бывало пировать и пить с ним в одном трактире. Истинно чёрное сердце. Как наставник, я хотел бы, чтобы ты перенял хоть малую долю его хватки, но в то же время желаю, чтобы ты навсегда остался прежним. Всякий раз, размышляя об этом, я теряюсь в сомнениях — до того, что приходится осушать лишний кувшин вина, спасаясь от тысячи забот...»

Неужели старик предвидел то, что случится здесь, и потому столь настойчиво предостерегал его в письме?

Окружающий мир казался дружелюбным лишь на первый взгляд. Стоило оступиться хоть раз — и ты уже в капкане, а невидимый кукловод дёргает за ниточки. Тебя используют втёмную, заставят принять на себя первый удар, и ты сгинешь без следа, так и не узнав имени своего палача.

— Судья Цзян, господин судья? Хэньян, очнись, — раздался прямо над ухом насмешливый голос того самого «черносердечного» соученика. — У Шэн — всего лишь пешка, зашедшая слишком далеко, да и сам уезд Шаоюань списали со счетов. Твой старший брат наведёт здесь идеальный порядок, так что сможешь и дальше править этой глухоманью в своё удовольствие.

В его словах сквозило привычное высокомерие, но этот ленивый, тягучий тон лишал угрозы всякой убедительности — оставалось лишь мягкое, почти ласковое покровительство.

Цзян Умянь медленно повернул голову и бесстрастно уставился на привалившегося к нему главнокомандующего Бая.

— Позволю себе напомнить вашему превосходительству, — тихо проговорил он, — что жизнь вашего соглядатая спас именно я. И мятежников в тайном ходу брал тоже я.

Шесть уцелевших душ — долг немалый. Разобрать махинации У Шэна, вскрыть тайны грессбухов и вымести всю скверну из Шаоюаня — прямая обязанность военного губернатора.

Чухань опустил взгляд сначала на рассыпанные по столу записи, затем на непреклонного судью, требующего немедленной уплаты по счетам, и невольно поморщился, словно от зубной боли.

«И впрямь, бесплатный сыр бывает только в мышеловке».

Он сокрушённо вздохнул, попытавшись зайти с козырей и воззвать к бывлой дружбе:

— Младший брат, ну откуда в тебе эта холодность? Когда это мы успели стать чужими друг другу?..

Но Цзян Умянь остался глух к притворным излияниям.

— Старший брат, — ровным голосом перебил он. — Когда тебе было четырнадцать, ты выменял у меня яблоки в карамели на обещание...

Закончить обвинительную речь истцу не дали: ответчик бесцеремонно зажал ему рот ладонью.

Бай Чухань дышал жаром, точно растопленная печь. В комнате и так было душно, а от его горячих пальцев тепло мгновенно передалось коже. Когда он наконец отпустил Умяня, щёки того заметно порозовели.

Цзян Умянь поднялся со стула и процедил сквозь зубы:

— Если у вашего превосходительства уйма свободного времени, потрудитесь сначала вернуть долги. У меня здесь дело скромное, в долг не торгую.

Чухань убрал руку и, прищурившись, тихо рассмеялся.

— Помилуйте, господин судья. Даже ростовщики, дающие в долг под грабительский процент, дают бедолагам пару дней, чтобы собрать нужную сумму.

В ответ взыскательный кредитор одарил его предельно натянутой, ледяной улыбкой.

Как только за Баем захлопнулась дверь, Умянь без лишних эмоций бросил исписанный лист в жаровню. Пламя жадно слизнуло бумагу.

Было очевидно, что Чухань намеренно уходит от разговора о таинственном покровителе У Шэна. Либо эти сведения составляли государственную тайну, либо он сам ещё не до конца распутал этот узел.

Один умалчивал, другой не расспрашивал — оба прекрасно понимали друг друга без лишних слов.

Обещанную «плату», на сбор которой просили два дня, Баю удалось раздобыть лишь к исходу пятых суток.

Всё это время он безжалостно эксплуатировал четырёх советников Цзян Умяня. Лишённые сна и покоя писцы без устали сверяли цифры, собирая неопровержимые доказательства вины четырёх богатейших семейств уезда Шаоюань.

Под покровом ночи усадьбы заговорщиков были окружены и подверглись обыску. Семьи Лю и Ши, как выяснилось, наживались на зерновых махинациях почившего судьи, а два других семейства, хоть и преследовали схожие цели, промышляли делом куда более опасным — контрабандой оружия.

Подозрительные нестыковки, которые сразу бросились в глаза Умяню, оказались результатом изощрённого подлога: дельцы пытались скрыть следы своей преступной торговли, но в итоге всё равно предстали пред очи правосудия. Теперь их ждали сырые застенки и скорая казнь после осеннего равноденствия.

Что же до регистратора У Шэна, искусно разыгрывавшего роль несчастной жертвы произвола властей, то обратный путь из уездной тюрьмы для него был заказан.

Допрос шёл по всем правилам: подозреваемого изнуряли бессонницей, точно дикого сокола приручали. Спустя сутки и две ночи непрерывного дознания Бай Чухань наконец покинул пыточную. С его лица исчезла привычная беззаботная улыбка.

Цзян Умянь, облачённый в светло-зелёное парадное платье девятого ранга, как раз направлялся к советнику Линю для обсуждения переписи населения. Внезапно по его спине пробежал холодок от осязаемой, бьющей ключом жажды крови. Он невольно обернулся.

Багряно-золотой рассвет заливал половину небосвода, прорезая воздух тонкими иглами света. От высокой стены уездной управы ложилась густая, вытянутая к западу тень.

Там, прислонившись к холодному кирпичу в самом тёмном углу, стоял его старший соученик. Без привычной ленивой ухмылки, пугающе спокойный.

Заметив взгляд Умяня, Чухань слегка прикрыл глаза, и на губах его вновь промелькнула дежурная улыбка, которая, впрочем, не затронула холодного взгляда.

Умянь знал его слишком хорошо: чем безмятежнее выглядел Бай Чухань, тем яростнее полыхало пламя в его душе.

Очевидно, тайные делишки У Шэна задели главнокомандующего за живое, раз уж тот явил миру свой истинный нрав беспощадного судьи преисподней.

Лезть в чужие секреты Умянь не собирался. Захочет Чухань выговориться — он выслушает, а если промолчит, то заставить его силой всё равно никто в поднебесной не сможет.

Подставив лицо тёплому утреннему ветру, он сдержанно кивнул соученику и зашагал к налоговой палате, где хранились архивные книги.

В Великой Чжоу устройство уездных управ полностью копировало структуру шести министерств столицы, разница была лишь в масштабе, оттого на местах их именовали шестью палатами.

Во главе налоговой палаты стоял чиновник, именовавшийся главой налоговой палаты. В его ведении находились перепись населения, межевание пашен, сбор податей и прочие хозяйственные дела.

Прежний глава налоговой палаты уезда Шаоюань погиб от рук мятежников во время первого набега. Назначить преемника не успели — город захлестнула вторая волна смуты, так что до сегодняшнего дня место главы палаты пустовало.

Эти обязанности временно взял на себя советник Линь Шоюань. Он разбирал уцелевшие свитки и пересчитывал площади пахотных земель по старым межевым книгам.

Когда Цзян Умянь переступил порог душной, пропахшей пылью палаты, советник Линь сидел, заваленный ворохом пожелтевших документов, и усердно делал пометки на полях.

Умянь бросил быстрый взгляд на чертежи — земляные наделы были нанесены на них столь тесно, что весь лист напоминал узорчатую рыбу чешую. Это был знаменитый «Реестр рыбьей чешуи».

Заметив вошедшего судью, Линь Шоюань удивлённо приподнял брови и отложил в сторону земельный кадастр.

— Господин судья, у вас есть ко мне поручение?

— Советник Линь, придётся вам похлопотать и обойти уезд, — проговорил Умянь. — Нужно провести полную перепись населения. В новых свитках укажите имя каждого жителя, его возраст, пол, адрес и ремесло, которым он владеет. Сведения следует группировать по дворам, составляя подробные семейные списки. Кроме того, заведите отдельную Книгу ремёсел — «□□□□» — и разделите её на пять разделов: земледелие, лесное дело, скотоводство, кустарные промыслы и рыболовство. Для удобства присвойте каждому жителю учётный номер, разбив горожан по улицам и кварталам. Так нам будет гораздо легче вести учёт.

Линь Шоюань скользнул взглядом по только что переплетённым спискам, но ничуть не расстроился, что его труды пошли прахом. Наведение порядка в бумагах давно назрело. Смута изрядно проредила население Шаоюаня: мёртвых и бежавших следовало вычеркнуть из списков, а заполонивших уезд беженцев — внести во временные реестры.

Тех, кто имел на руках старые документы с прежнего места жительства, требовалось отделить от безродных бродяг. Подход к ним должен быть разным, и эту путаницу предстояло распутать как можно скорее.

Смущало лишь одно новшество.

— Простите мне мою неосведомлённость, господин судья, но как понимать это деление на земледелие, лесоводство, скотоводство, кустарные промыслы и рыболовство?

Традиционно в Великой Чжоу общество делилось на четыре сословия: служивых, земледельцев, ремесленников и торговцев. В реестрах же людей распределяли по сословным повинностям — на крестьян, военных и ремесленников, причём последних учитывали строго по цехам: кузнецы, плотники, каменщики. О делении на отрасли хозяйства советник Линь слышал впервые в жизни.

— Моё упущение, — спохватился Цзян Умянь. Он взял кисть и набросал на чистом листе основные определения для каждого из пяти хозяйственных укладов.

Он и сам уже путался в деталях. С тех пор как его занесло в этот мир, минуло больше двадцати лет, и знания из прошлой жизни неумолимо стирались из памяти. Впрочем, эту классификацию он помнил назубок по одной простой причине: в его школьные годы за каждую ошибку в тестах по географии нещадно снижали оценки.

— Посмотрите на наш Шаоюань, — принялся объяснять Умянь. — Уезд раскинулся в устье реки, на плодородных наносных землях. Горы здесь отступают, уступая место равнине, поэтому террасных полей почти нет — всё больше тутовые рощи да заливные рисовые чеки. Возделывание риса — это земледелие. Разведение рыбы в тех же чеках — особое, смешанное хозяйство, относить его к рыболовному промыслу не стоит. Выращивание тутовых деревьев на древесину относится к лесоводству, но если листья идут на корм шелкопрядам ради получения коконов — это уже домашнее производство, то есть кустарный промысел. Смешивать эти вещи нельзя.

Советник Линь прилежно заносил объяснения на бумагу: «Земледелие — выращивание хлеба и овощей. Лесоводство — уход за рощами и заготовка строевого леса. Скотоводство — разведение любого домашнего скота и птицы. Рыболовство — добыча речных и морских богатств». Всё прочее ремесленное производство, не вошедшее в эти разделы, определялось как кустарный промысел.

Цзян Умянь подробно растолковал пользу такой упорядоченности и указал, на какие тонкости переписчикам нужно обратить особое внимание. Чертить ровные таблицы для ведения учёта Линь Шоюань умел превосходно, так что в лишних наставлениях не нуждался.

Разобравшись в тонкостях, советник Линь спрятал руки в широкие рукава халата и во главе отряда из четырёх стражников отправился в город.

Коренных жителей в Шаоюане осталось немного, так что дело двигалось споро. Беда была в том, что грамотеев среди них почти не водилось, и на расспросы уходила масса времени. К счастью, Линь Шоюань перед этим уже просмотрел прошлогодние списки и представлял общую картину. Вскоре на стол судьи легли новенькие переплетённые книги.

Цзян Умянь первым делом открыл свиток с именами беженцев. В нём значилось около двух сотен человек. Число на первый взгляд небольшое, но для разорённого уезда вполне весомое.

Местные жители держались за свои корни: едва утихал пожар войны, они возвращались к родным очагам и принимались распахивать уцелевшие клочки земли. Земля кормила их, и урожай для крестьянина оставался единственной надеждой не умереть с голоду.

С бродягами всё обстояло иначе. Словно сорванная ветром ряска, они кочевали с места на место. Оставь их без присмотра — и вчерашний мирный пахарь завтра превратится в разбойника с большой дороги, грозя погубить неокрепший порядок в уезде. Им требовался поводок — надёжная узда, которая удержала бы их от падения в бездну греха.

К счастью, после пережитого погрома Шаоюань задышался без рабочих рук, и пришлый люд мог прийти как нельзя кстати.

— Чжан Жун, отправляйся во временный лагерь карательного отряда, — распорядился судья.
— Собери всех беженцев по списку и приведи к развалинам уездных амбаров. Я скоро буду.

Чтобы выявить среди пришлых затаившихся мятежников и разбойников, Бай Чухань велел разместить всех новоприбывших под охраной во временном лагере. Он находился неподалёку, всего в пяти ли от городских ворот. Не прошло и двух часов, как Чжан Жун привёл толпу оборванцев к выгоревшему пустырю, где когда-то высились житницы Шаоюаня.

Заводилой в этой процессии выступал вовсе не советник Чжан, а изнывавший от безделья Бай Чухань, явившийся поглазеть на представление. По бокам от него, отставая на полшага, вышагивали хмурый генерал Сюэ Вэнь и уставший Чжан Жун. Генерал так и сгорал от любопытства, безуспешно пытаясь выведать у советника Чжана, что на этот раз задумал господин судья. Чжан Жун едва сдерживал раздражение, силясь сохранить дежурную вежливую мину.

Позади них, бдительно поглядывая по сторонам, маршировал конвой, увлекая за собой толпу ропщущих беженцев. Замыкали шествие досужие горожане, державшиеся, впрочем, на почтительном расстоянии от вооружённых солдат.

В толпе беженцев нарастало глухое беспокойство. Ещё вчера у них дотошно выспрашивали имена, выведывали, откуда они родом и какому ремеслу обучены, а сегодня ни с того ни с сего погнали под конвоем прямо в город. Куда ни кинь взгляд — кругом ошетинившаяся сталью стража. Каждому невольно казалось, что эта дорога ведёт напрямик на плаху.

К счастью, мучения длились недолго. Процессия остановилась перед грудой обгорелых брёвен и пепла.

На возвышении посреди пепелища стоял Цзян Умянь. Накрахмаленный воротник светло-зелёного шёлкового халата плотно прилегал к шее, скрывая её нездоровую, болезненную

белизну. Черты его лица казались высеченными из холодного нефрита, а тёмный, лишённый какого-либо выражения взгляд довершал этот образ высокомерного и безупречно красивого, но совершенно безжалостного судьи.

Бай Чухань, шедший впереди всех, на секунду замер как вкопанный — настолько этот величественный образ не вязался с его воспоминаниями о прежнем соученике. Впрочем, он мгновенно взял себя в руки и под испепеляющим взглядом Умяня поспешил слиться с толпой зевак. Сегодняшний день принадлежал не ему, а новому уездному судье и его будущим подданным.

Отводя взгляд от соученика, которого ему в этот миг до смерти хотелось вздернуть на дыбу, Цзян Умянь обвёл тяжёлым, пронзительным взглядом притихшую толпу. Выждав, пока над площадью не воцарилась мёртвая тишина, он заговорил. Голос его лился ровно и разносился далеко вокруг.

— Я знаю, кто вы. Среди вас есть те, кто всем сердцем рвётся на родину, но лишился последнего медного гроша на обратную дорогу. Есть те, кто тоскует по престарелым родителям и малолетним детям, но затерялся на чужбине. Есть те, кто годами прятался в лесных дебрях, спасая свои жизни и лишившись имени в списках подданных. И есть те, чьи дома сожгли мятежники, а пашни превратили в пепелище, лишив вас всяких средств к существованию. Пусть вы и не родились в Шаоюане, но вы — подданные Великой Чжоу. И я, как назначенный императором чиновник, не собираюсь закрывать глаза на ваши бедствия и обрекать вас на голодную смерть.

— Отныне перед каждым из вас открыта дорога к спасению. Вы получите работу. Взамен уездная управа обязуется кормить вас трижды в день сытным обедом, а плату за труды вы будете получать звонкой монетой — каждый вечер, без задержек.

На пепелище повисло молчание. А затем толпа взорвалась приглушённым, но яростным гомоном.

Сгорбленные, измождённые люди с почерневшими от грязи и холода лицами испуганно переглядывались. В их потухших, отрешённых глазах, давно позабывших о надежде, блеснула робкая искра жизни.

Тёмный, неграмотный люд, всю жизнь гнувший спину на полях, едва ли понимал витиеватые речи столичных книжников. Но как ни старался судья Цзян говорить проще, до ушей большинства дошли лишь самые заветные слова: «работа», «сытный обед» и «деньги».

Этот знатный господин в расшитом шёлке обещал дать им дело, накормить досыта и заплатить сполна.

Стоявший в стороне Бай Чухань удивлённо вскинул брови и негромко цыкнул языком.

«Надо же, к безродным бродягам ты полон сострадания. Отчего же со своим старшим братом вечно ведёшь себя как цепной пёс?»

Генерал Сюэ Вэнь болезненно поморщился, точно прикусил язык, и принялся втихомолку подсчитывать убытки:

— Прокормить две сотни ртов, выдать каждому подённую плату, нанять поваров, закупить дрова...

Похоже, по части скупости генерал мало чем отличался от советника Цзян Цю — оба были сущими мифическими пияю, способными лишь загребать золото под себя и чахнуть над каждой медной монетой.

Наконец из толпы кто-то набрался храбрости и выкрикнул сиплым голосом:

— Господин судья! Коли мы прямо сейчас за работу примемся, когда кормить-то станут?

<http://bllate.org/book/19045/1908143>